

Николай Лесков

**Загадочное происшествие в
сумасшедшем доме**

Николай Семёнович Лесков
Загадочное происшествие
в сумасшедшем доме
Серия «Рассказы кстати», книга 6

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174940

Аннотация

«В нынешнее время часто доводится слышать сильное негодование, если какое-нибудь из ряда выходящее происшествие остается без скорого и удовлетворительного разъяснения его причин. Это сейчас же ставится в вину порядкам нового судопроизводства и еще чаще в вину тем людям, которые нынче производят следствия, и тем, которые совершают суд по законам императора Александра II...»

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Лесков

Загадочное происшествие

в сумасшедшем доме

(Извлечено из бумаг Е. В. Пеликана)

(1858–1878)

Глава первая

В нынешнее время часто доводится слышать сильное негодование, если какое-нибудь из ряда выходящее происшествие остается без скорого и удовлетворительного разъяснения его причин. Это сейчас же ставится в вину порядкам нового судопроизводства и еще чаще в вину тем людям, которые нынче производят следствия, и тем, которые совершают суд по законам императора Александра II. Думают, – и таких людей не мало, – что ранее, т. е. до введения новых судов, дела будто бы шли лучше, т. е. скорее, строже и справедливее. Такое мнение не только существует в темном простонародье, но оно даже без стеснения высказывается и в известных органах периодической печати, руководимых обра-

зованными людьми. Последнее, в свою очередь, раздражает и сердит людей, сохранивших верное воспоминание о прежнем следственном и судебном процессе. Это раздражение понятно, но гнев все-таки неуместен. Напротив, кажется, надо радоваться, что если уже есть в обществе такое странное мнение, то пусть оно не таится, а находит себе свободное выражение в печати. Печать лучше, чем что-либо иное может послужить сверке и оценке всяких мнений – как ошибочных, так и обстоятельных.

Одним из лучших способов для этого служат сравнения, которых много можно привести из так называемых «памятей» о делах «доброго старого времени».

Разумею не то настоящее «старое время», каким почитается в нашей истории до-Петровский период, а собственно время, предшествовавшее введению судебной реформы, которое нынче часто тоже называют «старым».

Любопытные сборники Любавского не богаты материалом для истории о делах угасших. Очень может быть – там нет никаких дел, потому что во время составления сборников Любавского никому из наших русских современников еще не приходило на мысль искать идеала правосудия в старинном судебном порядке, не предвиделось и того, что скоро может представиться надобность доказывать несостоятельность следственного процесса в дореформенное время. Иначе, вероятно, в уголовных сборниках нашли бы место образцы, которые способны каждого удивить и поразить своею

оригинальностью и маловероятностью. Таких дел особенно много по группе убийства помещиков крепостными людьми и обратно, и не менее их еще, например, по истреблению казенных лесов. В ранней моей молодости я помню, как в Орле, кажется, около четырнадцати лет, производилось дело о вырубке казенного леса в Карачевском или в Трубчевском уезде. В этом преступлении и грабеже казны на огромную по-тогдашнему, сумму подозревался и изобличался местный лесничий по фамилии Красовский, – человек уже очень старый, набожный и постник, джентльмен, с совершенно белой головою, всегда тщательно выбритый и причесанный.

Я помню, когда его водили из острога с двумя часовыми мимо так называемого губернаторского сада, где я играл во дни моего детства.

Красовский ходил с часовыми очень спокойно, ласково улыбался знакомым и почему-то *благословлял детей!*.. Он жил в орловском остроге более десяти лет, и жил настоящим тюремным аборигеном или даже патриархом. Когда в Орле была впервые прочтена «Крошка Дорит», то многие говорили, что старый отец маленькой Дорит, живущий в тюрьме и там лицемерствующий, точно будто списан Диккенсом с орловского острожного патриарха – Красовского.

Красовский, так же как и герой Диккенса, получил вес и значение в тюрьме; он славился своим благочестием и скупостью; имел нравственное влияние на заключенных и на охранителей, и довел двух прислуживавших ему арестантов

из простонародья до того, что они сделали покушение задушить его за скупость, и за то наказаны плетьюми и сосланы в каторгу.

Так из-за Красовского, во время его долголетней жизни в орловском остроге, возникали новые дела, а его собственное дело об истреблении вверенных ему казенных лесов все тянулось. На нем, так сказать, воспитывались целые поколения палатских юристов (выписку из него при представлении в сенат делал сын следователя, начавшего следствие), и за всем тем хищническое дело это так и осталось нераскрытым. Кто срубил тысячи десятин казенного леса и куда ушли деньги, за них вырученные, – это так и не обнаружено. Красовский притворялся бедным, или в самом деле ничего не имел, – это так и не открыто. Только он никому никаких взяток не платил и в остроге промышлял ростовщицеством, давая под залогом от двугривенного до рубля из десяти процентов в неделю. За это его и хотели задушить. Наконец, после двенадцатилетнего содержания в тюрьме, Красовского выпустили, но он еще не хотел идти из тюрьмы, говорил, что ему негде жить и нечем жить. Так он «прижился в тюрьме» и так мало значила в его глазах драгоценная каждому живущему свобода.

В Орле, назад тому сорок лет, все от мала до велика были поражены, что столь всем очевидное преступление Красовского не раскрылось. Но это так и кончено.

Однако, не станем удивляться и на это: убийство господ и крестьян, равно как и истребление лесов происходи-

ли на широких пространствах, где не было особых наблюдений и не было так называемой локализации преступления. А встречались случаи гораздо более удивительные, когда дело совершалось, например, в доме, окруженном самым тщательным присмотром, где все было, так сказать, «как в горсти», а между тем уходило из горсти, и не могли добраться до виноватого.

Одно из таких дел, интересных не только в судебном, но и в научном отношении, представляет некоторый воронежский случай, заметки о котором попались мне в бумагах покойного председателя медицинского совета, Евгения Венцеславовича Пеликана.

Вот это дело.

Глава вторая

В шесть часов утра мглистого, морозного дня, 27 января 1853 года, на женской половине сумасшедшего дома в Воронеже прозвонил звонок, «возвещающий время топки печей». Таков был ежедневный порядок в заведении во все то время, когда здание отапливалось печами.

Звонок этот разбудил в числе прочих служительниц одну, по имени Кирсанову, которая ночевала при умалишенных в коридоре между комнатами №№ 6 и 10.

Кирсанова встала и удивилась, что ее сегодня первый раз не разбудила раньше звонка одна из помешанных – молодая, крепкая женщина, по имени Елена Швидчикова (по фамилии судя, вероятно малороссиянка).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.